

Сергей Лукьяненко. Дорога на Веллесберг

Ветер гнал над степью запахи трав. В воздухе словно метались разноцветные знамена, даже в глазах рябило. Я сказал об этом Игорю, но тот лишь усмехнулся:

-- Чтобы унюхать то, что ты чуешь, надо собакой родиться. По-моему, воняет гарью.

Гарь я тоже чуял. От посадочной капсулы стлалось грязно-черное, медленно оседающее полотнище. Там, где опоры впились в почву, ленивыми багровыми гейзерами вспухал запах сторевавшей земли. Наверное, того, кто видел бы это впервые, зрелище могло захватить. Я начал дышать ртом, и цветные пятна в воздухе дрогнули, исчезая. Так гораздо лучше, только рот быстро пересыхает. Но я привык. Не советую, правда, медикам из Центра Совершенствования подходить ко мне с предложением об активации генов моим детям. Могу и не сдержаться. А в общем, я привык.

Игорь неторопливо поправлял одежду. Особо аккуратным видом он никогда не отличался, а сейчас был встрепан донельзя. Порванная на спине (для вентиляции) рубашка выбилась из обрезанных чуть ниже колен брюк. Сами брюки представляли собой шедевр роддэрской моды -- правая половина из джинсовой ткани, левая -- из металлизированного вельвета. На груди на тонкой серебряной цепочке покачивался амулет -- настоящий автоматный патрон второй половины двадцатого века. Зато волосы были очень тщательно разделены на семь прядей и выкрашены в семь цветов. Игоря можно было с ходу снимать для передачи "Роддэры -- новые грани старой проблемы". Впрочем, кажется, он пару раз в ней снимался... Игорь поймал мой взгляд, подмигнул, но ничего не сказал. Скопил глаза на нашего нового спутника -- тот неловко выбирался из люка капсулы.

-- Эй, как тебя... Рыжик!

"Рыжик" повернулся. Быть ему теперь Рыжиком на веки вечные. Если Игорь дает прозвище, оно прилипает намертво. Да в новеньком и действительно было все необходимое для такого прозвища: солнечно-рыжие волосы, быстрый, чуть хитроватый взгляд и такая же, немного лукавая, улыбка.

-- Меня зовут Дэйв. А вас?

Ха! Имя у него тоже было рыжее, солнечное. По-русски Дэйв говорил неплохо, только немного нажимал на гласные.

-- Не, -- дурачась, протянул Игорь. -- Тебя зовут Рыжик. Его -- Чингачгук -- можно Миша, -- закончил он, увидев мой выразительный жест. -- А я -- Игорь.

-- Просто Игорь?

Да, новенькому палец в рот не клади. Он смотрел на Игоря так, словно придумывал ему кличку.

-- Просто Игорь. Тебе сколько?

Дэйв смущенно пожал плечами, словно не знал, что ответить. Замершее в зените солнце сверкнуло на золотистом кружке, приколотом к его травянисто-золотой рубашке.

-- Одиннадцать.

-- Ясно. Знак давно получил?

Рыжик скосил глаза на кружок.

-- Недавно. Утром.

-- Во дает! -- Даже Игоря такое сообщение лишило иронии.
-- Получил и сразу слинял? А родители? Сцен не устраивали?

-- Нет. Они, кажется, даже обрадовались.

Игорь замолчал. Потом заговорил снова, и я обалдел -- таким неожиданно мягким, дружеским стал его голос.

-- Ты держись пока с нами, Рыжик. Мы с Мишкой роддэры старые, опытные. По три года по дорогам болтаемся.

-- А вам сколько лет?

Игорь засмеялся:

-- Учти, Рыжик, мой вопрос о возрасте был провокационный. Роддэры на такие вопросы не отвечают, в лучшем случае говорят, как давно получили самостоятельность. Но ради знакомства скажу -- тринадцать. И еще. Спрячь свой знак. Роддэры это напоказ не носят.

Я усмехнулся, глядя, как торопливо снимает Рыжик свой золотой кружок. Знак действительно делают из золота, запрессовывая внутрь идентификатор и выдавливая на поверхности слова: "Достиг возраста персональной ответственности". На обороте -- имя.

Игорь повернулся ко мне:

-- Ну что, Чингачгук, пойдём в горы?

Горы неровной гребенкой тянулись к горизонту. Покрытые синеватым снегом вершины заманчиво поблескивали над темной каймой деревьев. Там, в горах, сосны по двадцать метров. И никаких запахов, кроме снега и хвои...

-- Далековато, -- небрежно произнес я, уже зная, что пойдём. -- Километров сто с гаком...

-- Куда нам торопиться-то, роддэрам...

Мы с Игорем понимающе смотрели друг на друга. Игорь знает, каково мне. Иначе бы мы не проводили половину года в горах...

-- Да, -- повернулся я к Дэйву. -- Мы же забыли тебя поблагодарить, Рыжик...

Назвав его так, я невольно смутился. Не люблю кличек...

Но Рыжик, похоже, уже привык к своему новому имени.

-- Точно, -- подхватил Игорь. -- Ты нас спас. А то сели бы мы в лужу.

Он был прав.

XXX

В пассажирском салоне гиперзвукового самолета могла поместиться великолепная лужа, в которую уселись бы два самонадеянных роддэра. Салон тянулся широченной стометровой трубой, залитой мягким оранжевым светом. В четырех рядах кресел дремали, слушали музыку и смотрели телешоу редкие пассажиры. Самолет летел полупустым, как и положено рейсу из Флориды в самом начале курортного сезона.

Мы с Игорем сидели рядом со стеклянной кабинкой диспетчера, установленной посередине салона. Наверное, близость к ней и навела Игоря на мысль покинуть самолет. Когда бархатный голосок стюардессы зазвучал из спинки кресел, объявляя, что через пятнадцать минут лайнер пролетит над Скалистыми Горами, Игорь легонько толкнул меня в бок. Я замычал, не раскрывая глаз. Хотелось подремать -- всю ночь мы шли по обочине дороги, добираясь из города в аэропорт. Проходящие мимо машины иногда тормозили, сигналили, но мы упорно шли дальше. Настоящий роддэр не садится в автомобиль без крайней необходимости. Из одной машины, сигналившей особенно настойчиво, нас даже беззлбно обругали... Теперь я хотел спать, а Игорь неумолимо тормозил меня:

-- Чинга! Большой Змей! Ну, Мишка!

Я вопросительно посмотрел на него.

-- Давай возьмем капсулу и смотаемся.

-- Зачем?

-- Просто так.

Вся прелесть поступков "просто так" в том, что их не надо объяснять даже себе.

-- Давай...

Мы поднялись с кресел. Как всегда после резкой смены положения, запахи ударили по мне с новой силой. Прежде всего -- запах самолета. Трущийся металл, гнущаяся пластмасса, искрящие контакты, подгорелые изоляторы, подтекшая смазка, свежевыкрашенные панели и еще тысячи знакомых и не знакомых запахов сливались, к счастью для меня, в единый, воспринимаемый как шершавое скрипящее фиолетовое пятно над головой. К нему можно было легко привыкнуть и перестать замечать. Но вот аромат резких французских духов, плывущий от женщины в конце салона, оказался неизбежным и неуничтожимым. Он бил прямо в подсознание жаркой багряной волной, и стоило большого труда вынырнуть из-под нее, вновь думать спокойно и без усилий.

-- Прошу выделить нам капсулу для посадки в пролетаемом районе, -- вежливо сказал Игорь диспетчеру. Тот оглядел нас и... Я почувствовал, как темнеет его запах -- в кровь выплеснулись стрессовые гормоны, на коже проступил незаметный для глаз пот.

-- На каком основании?

Будь на нашем месте взрослые, диспетчер и спрашивать бы не стал. Что ему, капсулы жалко, что ли?.. Но к роддэрам у многих отношение было малодоброжелательное. Игорь вздохнул и вытащил из кармана свой знак самостоятельности. Я -- свой. Пассажиры, сидевшие поблизости, уже посматривали на нас с любопытством. Еще бы. Двое мерзких грязных скандальных роддэров требуют, чтобы им, как порядочным гражданам, дали капсулу для индивидуальной посадки.

-- Как мне кажется, серьезных оснований для высадки у вас нет?

Я понимал диспетчера. Перед ним стояли два пацана. Один -- в диком костюме, с разноцветными волосами, загорелый и исцарапанный. Другой поаккуратнее (не люблю выкрутасы в одежде), со светлыми волосами (меня тошнит от запаха краски), светлокожий (ко мне загар плохо липнет)... но все равно -- роддэр. И эти роддэры из пустой прихоти передумали лететь в Токио и решили высадиться у подножия Скалистых Гор...

-- Увы. Капсула дается лишь при наличии веских причин. Или если ее попросят не менее трех пассажиров...

Поединок кончался не в нашу пользу. Роддэров оскорбили и публично продемонстрировали остальным пассажирам их беспомощность. Теперь речь шла уже о том, чтобы спасти лицо. Игорь с надеждой посмотрел в салон. Но никого, похожего на роддэра, не увидел. Лишь рядах в пяти от нас сидел мальчишка. Но уж слишком ухоженный, домашний был у него вид... На всякий случай я кивнул ему. Мальчишка кивнул в ответ и встал. Пошел по проходу, касаясь рукой знака на груди, словно боялся, что тот может исчезнуть. Я успел лишь заметить, что мальчишка рыжий и совсем маленький, не больше одиннадцати лет.

-- Я тоже желаю сойти с самолета здесь.

XXX

Проголодались мы лишь к вечеру: как раз перед тем, как Игорю пришла в голову идея о капсуле, в самолете разносили обед. Весь день мы бодро шли по степи, временами устраивая привалы, болтая, рассказывая разные смешные истории. Говорили в основном мы с Игорем. Рыжик слушал и нерешительно улыбался. Наконец он осмелел и рассказал историю про девчонку, решившую обмануть тест-компьютер и пораньше получить знак самостоятельности. История была с бородой, но мы сделали вид, что не слышали ее раньше. Рыжику было сейчас тоскливо, это мы понимали.

Солнце уже коснулось горизонта, когда Рыжик взмолился:

-- Ребята, давайте зайдем куда-нибудь, перекусим...

Игорь засмеялся:

-- Куда?

Вокруг нас простиралось бесконечное степное море. Трава, мелкие синие цветочки, редкие чахлые кустики. Воздух тихо

звенел -- какие-то насекомые устроили вечерний концерт. Из-под ног иногда вспархивали птицы. Здесь был настоящий рай для энтомологов или орнитологов, желающих изучить степь в ее первозданном виде. Но кафе или бутербродной никто поблизости не предусмотрел...

-- А куда же мы тогда идем? Здесь что, нет ни одного дома?

Игорь взглянул на меня. Я -- на нежно-розовые облака, дрейфующие в потемневшем закатном небе. Откуда-то справа тянуло домом -- теплым, недавно испеченным хлебом, жарящимися котлетами, гидролем -- горючим для флаера. Но идти туда мне не хотелось. Какое-то шестое чувство предостерегало от этого.

-- Не знаю, -- самым беззаботным тоном ответил я.

С сомнением хмыкнув, Игорь достал из кармана две маленькие плитки шоколада. С одной хитро смотрел утенок Дональд с шоколадкой в клюве. На другой обертке был изображен Микки-Маус. У него шоколад выглядывал из плотно сжатого кулачка. Вид у мышонка был воинственный, отдавать сладости он явно не собирался.

-- Питайтесь, -- тоном заботливого воспитателя в детском саду сказал Игорь.

Мы с Рыжиком одновременно разорвали обертки шоколадок. Микки на моей обертке зашевелился, разжал ладошку. Глаза у него засверкали, тоненький, знакомый по тысячам мультфильмов голосок произнес:

-- И я, и все мои друзья любим шоколад с орехами фирмы "Байлейс"!

Запись кончилась. Микки-Маус на картинке опять замер. Шоколадку мышенок протягивал вперед. Даже на рисунке она выглядела аппетитно.

-- А у меня молчит... -- обиженно начал Рыжик. Но его прервал пронзительный возглас Дональда:

-- Микки прав, но шоколад "Медовый" фирма "Байлейс" поставляет даже астронавтам Дальней Разведки!

Игорь задумчиво произнес:

-- А ведь они упрятали в эти обертки не только динамик и синтезатор речи, но еще и блок сопряжения! Будь у нас побольше шоколадок, рисунки переругались бы, выясняя, какой шоколад вкуснее!

Рыжик рассмеялся: наверное, представил себе ругающиеся обертки. Игорь же продолжал:

-- Чтобы придумать и начать производить эту ерунду, десятки людей годами возились с микросхемами, изобретали рисунки, движущиеся на обычной бумаге...

-- Это жидкокристаллический рисунок, -- вставил Рыжик. -- Я читал...

-- Я тоже. Ты бы хотел два или три года просидеть в лаборатории, уча Дональда раскрывать нарисованный клюв и ронять нарисованный шоколад?

-- Нет.

-- И я не хочу. И Мишка. Потому мы здесь, в степи. Потому мы роддэры, люди дороги, бродяги и путешественники! Мы не занимаемся бесцельной работой, не делаем вид, что нужны этому миру. Мы просто живем!

Игорь завелся, я это почувствовал. Сумрак, легкий ветерок, треплющий его семицветные волосы, новый, ошеломленно внимающий слушатель...

-- Потому люди снова и снова бросают дома и выходят на дорогу. А все дороги сливаются в одну, имя которой -- жизнь. Потому...

-- Потому мы будем ночевать под открытым небом, -- вставил я. Игорь обиженно замолчал.

-- И, кажется, под дождем, -- уточнил Рыжик.

XXX

Обычно мы берем с собой палатку и еще что-нибудь из туристского снаряжения. Но на этот раз оказались в дороге слишком неожиданно. Я глядел, как Игорь пытается соорудить шалаш из ни в чем не повинных кустиков. Потом взглянул на Рыжика. Разрекламированный Дональдом шоколад его не утешил. А с севера и впрямь наступали тучи. Где-то далеко, километров за пятьдесят от нас, дождь уже шел.

Я вздохнул.

-- Игорь, в получасе ходьбы от нас чей-то дом.

-- А?

-- Там сейчас ужинают.

Игорь пнул ногой свое сооружение, и сплетенные верхушками кустики распрямылись.

-- Так чего валял дурака? Большой Змей... Змея ты, а не Чингачгук. Еще мой шоколад лопал...

Оправдываться я не стал. Даже сейчас мне не хотелось идти в этот дом.

К ужину мы опоздали. Окруженный маленьким садом каменный двухэтажный дом возникал в степи как мираж. Среди деревьев тускло светилась короткая сигара флаера. Несущие плоскости подрагивали, на бортах мигали сигнальные огни, но в кабине никого не было. Наверное, компьютер проводил тест-проверку машины.

На лужайке перед домом стребал в кучу сухие листья рослый загорелый мужчина в закатанных до колен джинсах. Игорь опасно посмотрел на меня, и я успокоенно улынулся: запах горящих листьев меня не раздражал. Мужчина повернулся в нашу сторону, и на его лице появилось нечто вроде удовлетворения. Он оперся на

длинные пластиковые грабли и молча ждал, пока мы приблизимся.

-- Здравствуйте, -- вежливо произнес Игорь. -- У вас не найдется старой палатки и пары банок консервов?

Мужчина улыбнулся.

-- Нам можно говорить по-русски? -- чуть смутился Игорь.
-- Или...

-- Почему же нет, можно и по-русски, -- очень чисто, но явно не на родном языке, выговорил мужчина. -- Палатки и консервов нет, но найдутся три пустые кровати и не успевший остыть ужин.

-- Что ж, спасибо и на этом, -- вздохнул Игорь. -- Хотя дырявая палатка... -- он взглянул на хмурящееся небо, -- этой ночью была бы романтичнее.

Мужчина продолжал улыбаться:

-- Я рад, что вы все-таки зашли ко мне. Тимми!

Из окна на втором этаже появилась мальчишеская голова. Еще через две секунды Тим скатился по лестнице и остановился перед нами. Вид у него был самый обычный: растрепанный, в шортах и футболке, не старше нас с Игорем. Но что-то непонятное кольнуло меня. Я посмотрел на Игоря -- глаза у него сузились, словно он целился в кого-то... Черт, что он опять задумал?

-- Тим, проводи ребят в столовую, -- обыденным голосом сказал мужчина. Можно подумать, что к ним ежедневно заходят роддэры!

-- Пойдемте, -- мотнул головой Тим. -- Что вначале: ужин или душ?

-- Ужин, -- усмехнулся Игорь. -- Веди нас, Кожаный Чулок.

-- Тогда уж лучше Следопыт.

Мы с Игорем удивленно посмотрели друг на друга. Мало кто сейчас помнит героев Купера. А Тимми уже вел нас по широкому, застланному мохнатым синтетическим ковром коридору. Внутри дом казался гораздо больше, чем снаружи. Мне нравятся такие дома, немножко под старину, ничем не напоминающие "экологические дома" -- эти уродливые полурастительные монстры, или не менее мерзкие "модульные дома" -- нелепые нагромождения пластиковых пузырей.

Тим открыл тяжелую деревянную дверь. Именно открыл, потянув за массивную бронзовую ручку, а не нажал кнопку встроенного в стену мотора. Похоже, этой кнопки вообще тут не было.

Нас окатило волной запахов. Даже Игорь с Рыжиком потянули носами. А я на секунду отключился.

Ваниль, сдобное тесто, шоколадный крем, цукаты... Жареная индейка, фаршированная яблоками. Лимонное желе, апельсиновый мусс и мороженое с орехами... Старые фильтры в кухонном кондиционере, впитавшие в себя аромат пищи за несколько последних месяцев...

-- Что с тобой, Миша? -- Игорь схватил меня за плечи. Я покачал головой.

-- Все... Все хорошо, даже слишком.

-- Чинга... Все правда в порядке?

-- Да.

Тим с недоумением смотрел на меня. Разглядывая кухню, я ощущал на себе его растерянный взгляд.

Это была именно кухня -- а я-то был уверен, что нас ведут в столовую, где уже суетятся роботостюарды, а из стенного подъемника лифт выплевывает подносы с пищей. Неяркий свет лился из притушенных светильников, потемневшие окна закрывали оранжевые шторы. Темно-коричневые панели, такие же шкафы и столики. Один стол побольше, возле него три стула с высокими спинками. Лишь электронная плита сияла своей подчеркнутой белизной. Перед ней стояла молодая женщина в длинном платье. "Сестра", -- автоматически отметил я.

-- Мам, ты нас накормишь? Это те самые роддэры!

"Мам..." Ладно. Но почему те самые?

-- Тимми, не роддэры, а роуддэры. -- Женщина улыбнулась. -- Ведь так, ребята?

-- Ваше обращение "ребята" мы принимаем по отношению к своему биовозрасту, -- с достоинством ответил Игорь. Женщина снова заулыбалась. -- Правильнее называть нас все-таки роддэрами -- это название сложилось исторически в начале века. Похоже, вы нас ждали?

-- Нас вызвал по фону пилот стратолайнера, -- с готовностью ответил Тим. -- Сказал, что трое упрямых роддэров решили высадиться в пустынном районе, где ближайший дом -- наш.

Тим выпалил это с явным восторгом. Даже наше упрямство прозвучало у него как неслыханное достоинство. У Игоря опять недобро блеснули глаза.

-- Тимми, принеси себе стул, -- скомандовала женщина. И снова обратилась к нам: -- Вы можете звать меня миссис Эванс. Или, как это по-русски... тетя Ли. Меня зовут Линда.

-- Вы очень хорошо говорите по-русски, -- быстро вставил я, увидев, что Игорь уже собирается съязвить. -- Вы жили в России?

-- О нет. Я большая домоседка. Это... как произнести... увлечение моего мужа. Он лингвист, работает по программе "конвергенция". Немножко учит нас...

-- Папа знает восемнадцать языков, -- заявил Тим. Он притащил еще один стул, держа его обеими руками перед собой. -- А я -- шесть.

Игорь усмехнулся. Для роддэра шесть языков -- не повод для хвастовства.

-- Вы начнете с пирога или подогреть что-нибудь посуущественнее? -- осведомилась миссис Эванс.

-- Сладкое мы сегодня уже ели, -- садясь за стол, ответил Игорь.

XXX

Я проснулся резко, словно от толчка. Обычно такое случалось со мной в минуты опасности. Сейчас опасностью и не пахло. Я улыбнулся понятному лишь мне каламбуру, стараясь по-настоящему вслушаться в запах этого дома. Он не был ни злым, ни жестоким, в нем не чувствовалось ни скрытой враждебности, ни затаенной тревоги. Почему же я ощущаю какой-то холодок? Почему со вчерашнего дня меня не оставляет беспокойство?

Повернувшись, я посмотрел на соседнюю кровать, где безмятежно спал Тимми. Хороший мальчишка. Хоть и не роддэр, но явно не дурак, похоже, ему немного осталось до знака самостоятельности... А у меня не проходит к нему настроенность.

Вчера вечером, когда родители Тимми уже легли, а мы еще досматривали развлекательную программу по молодежному каналу, Игорь поинтересовался:

-- А где мы будем спать?

Не отрываясь от экрана, где герой в сверкающем белом плаще крошил неизменным лазерным мечом исполинских тараканов, напевая при этом о цветах для своей любимой, Тимми сказал:

-- Кто-нибудь со мной, а двое -- в соседней комнате.

Я поймал его взгляд.

-- Отлично, -- бодро воскликнул Игорь. -- Поболтаем перед сном.

Я поймал его взгляд и сжал губы. Моему другу явно попала вожжа под хвост.

-- Да, -- подчеркивая каждое слово, произнес я. -- Ты же собирался рассказать Дэви про роддэрские обычаи...

Мы с Игорем напряженно посмотрели друг на друга. Это было ничем не хуже разговора.

"Ты против, Чинга?"

"Конечно. Нечего дурить мальчишке голову".

"Ерунда. Он будет наш".

Обычно, если Игорь решал обратить кого-нибудь в нашу веру, это не занимало много времени.

-- Тимми, покажи, куда идти. Спать хочется... -- Я зевнул.

-- Тогда я тоже ложусь, -- выбираясь из кресла, произнес Тим.

А Игорь усмехнулся и слышимым лишь мне шепотом сказал:

-- Он станет роддэром.

Не знаю, почему я восстал против этого. Никогда раньше мне в голову не приходило мешать Игорю вербовать новеньких. Может быть, опять вмешалось ощущение непонятной опасности?

-- Тимми... -- тихонько позвал я.

Откуда-то из глубины набросанных на соседнюю кровать пледов (кондиционер работал на полную мощность) вынырнула тонкая рука. Затем темноволосая голова.

-- Я ждал, пока ты проснешься, -- с готовностью объявил Тим. -- Вы же вчера здорово устали.

Я усмехнулся. Спросил:

-- Что, подъем?

Тимми поморщился.

-- Холодно... Кто только придумал эту гадость -- кондиционеры.

-- Кто только включает их в дождь... -- в тон ему ответил я.

Тимми заерзал в постели.

-- Знать бы, что на завтрак. Решили бы, стоит ли вставать.

Я втянул в себя прохладный, профильтрованный кондиционером воздух. Еще, еще... Мокрая трава и веточки мяты под окном, комочек клубничной жвачки на тумбочке Тима... Подтекшие и плохо замытые следы вишневого варенья на подоконнике... Сладостенно... Да куда этому малышу в роддэры?! Еще один вдох... И слабая разноцветная струйка запахов из дверной щели.

-- Оладьи. С апельсиновым джемом, -- задумчиво сказал я. -- И горячий шоколад. Вставать будем?

Тимми взглянул на меня веселыми и удивленными глазами.

-- Ты откуда знаешь?

-- Запах, -- откровенно ответил я. -- У меня хорошее обоняние, не зря прозвали Чингачгуком.

Спорить Тим не стал. Вряд ли он подумал о том, какое обоняние способно различить запах пищи через два этажа и пять плотно закрытых дверей, в вылизанной кондиционером комнате.

-- А может, ты еще знаешь, сколько сейчас времени? -- протянул он. Я неопределенно кивнул головой на стол, где поблескивали экранчиком мои часы.

Вставать Тимми явно не хотелось. Он покосился на стол, потом медленно вытянул к нему руку...

Часы с шуршанием поползли по стеклу. На секунду замерли у края, словно набираясь сил, крутанулись и тускло-серой молнией прыгнули в Тиммину ладошку.

-- Полдевятого. Точно, пора вставать, -- со вздохом признал Тим.

Через секунду, сбросив одеяла, я уже стоял у его постели.

-- Тимми! Ты... психокинетик?

Он кивнул, похоже, даже смущенный произведенным эффектом. А впрочем, стоит ли мне так удивляться? Да, психокинетиков во всем мире не более двухсот. Но я, например, вообще единственный в своем роде.

-- Пошли лопать олады, чудотворец. -- Я со смехом взял его за руку. И быстро глянул на ладонку.

Все верно, психокинетик. Трюк исключался начисто -- кожу покрывала мелкая, уже исчезающая ярко-алая сыпь. Даже несильное телекинетическое воздействие не проходит для человека бесследно.

-- Только при родителях не проговорись, -- попросил Тимми, натягивая шорты и футболку. -- Ага? А то они не понимают, что мне нужна тренировка, и ругаются...

Дверь беззвучно открылась, и мы увидели Игоря. С ослепительной улыбкой, с торчащими во все стороны прядями волос. И со словами:

-- Привет, роддэры, старые и молодые!

XXX

За завтраком миссис Эванс все пыталась нас развеселить. Подтрунивала над Тимми, который совсем не обижался на это, тормозила грустного и задумчивого Дэйва. Мы с Игорем понимали, почему Рыжик старается даже не смотреть на миссис Эванс, особенно, когда та обнимает Тимми, и злились. Но миссис Эванс не прекратила беспечного разговора и после того, как Рыжик торопливо, давась словами, сказал: "А у моей мамы олады никогда не получались..." И Дэйв, к нашему удивлению, постепенно повеселел. В конце концов они с Тимми и миссис Эванс отправились в сад -- посмотреть пруд и, может быть, искупаться. Мы остались -- Игорь заявил, что нам нужно заказать кое-какие вещи и еду по линии снабжения.

Разговор я начал, едва закрылась дверь, а Игорь ленивой походочкой подошел к дисплею.

-- Командир, пора сматываться.

-- Что за новый чин? -- удивленно-наигранно поинтересовался Игорь. -- И в чем причина спешки?

-- Я не знаю, -- честно ответил я. -- Но не стоит тут оставаться.

-- Чинга, -- уже серьезно продолжил Игорь. -- Как только я пойму, что Тимми решил уйти в роддэры, мы отсюда слиняем.

-- Что он тебе так случился? Захочет и сам уйдет.

-- Я его не пойму, Чинга. Обычно сразу видно, станет человек роддэром или нет. А Тима я не пойму. Интересно побороться.

Мне вдруг стало все равно.

-- Как знаешь, Игорь. Я тебя предупредил.

Игорь сосредоточенно сопел, нажимая кнопки на терминале доставки.

-- Хочешь икру? -- неожиданно спросил он. -- Закажем пару коробок.

-- Не люблю синтетику, -- резко ответил я. Игорь, похоже, пытался помириться.

-- Какая синтетика? Это дом полноправных членов общества, их снабжение не лимитировано.

-- Нечестно, -- упрямо возразил я.

-- Тогда пошли искать хозяина. Поблагодарим за гостеприимство.

На какое-то мгновение я поверил, что Игорь все-таки согласился со мной и хочет уйти.

-- Пошли.

XXX

Свою ошибку я понял, едва мы ступили в кабинет. Великолепный кабинет -- кучи книг в шкафах, груды распечаток возле информационного терминала, заваленный бумагами и дискетами стол. Красота! Сразу видно, что здесь по-настоящему работают. Не потому, конечно, что вокруг был беспорядок. Пустите нас с Игорем в любой приличный дом, мы за полдня устроим то же самое. А вот атмосфера работы у нас не получится. Никогда...

-- Вот как трудятся полноценные люди, -- торжествующим шепотом произнес Игорь. Я схватил его за руку, потянул к двери. Но Тиммин папа, сидевший к нам спиной, уже обернулся.

-- А, роддэры... Идите сюда.

Игорь с радостной улыбкой двинулся вперед. За ним, поневоле, я.

-- Спасибо, -- усаживаясь в свободное кресло и стараясь не слишком уж привставать на цыпочки, ответил Игорь. Ну и кресла! Словно специально для издевательств над роддэрами. Пытаясь утвердиться на необъятном кожаном сидении, я особенно остро осознал, что росту во мне метр сорок девять, а веса не хватает и для этих сантиметров.

-- Мы вас на минутку оторвем от дел, если вы не очень

заняты, -- самым вежливым из своих голосов сказал Игорь. -- У нас вышел маленький спор с Мишей. Помогите разобраться, пожалуйста.

Мистер Эванс кивнул, выключая мерцающий на столе дисплей. Давал понять, что временем не ограничен.

-- Один из нас, -- продолжал Игорь, -- считает неэтичным пользоваться за ваш счет предметами роскоши. Ну, заказывать килограммами икру, приобретать персональные гравитаторы, делать заказ на строительство такого же дома, как ваш. А другой говорит, что вы такой же бездельник, как и любой роддэр. Только прикрываетесь видимостью работы.

Меня передернуло. Да, эпатаж -- это неременная черта любого роддэра. Но зачем Игорь так построил фразу, что непосвященному в роддэрский сленг человеку покажусь хамом именно я.

-- Как я понял, бездельником меня считаешь ты.

С добродушной улыбкой мистер Эванс разглядывал Игоря.

-- Резонируешь, -- одобрительно кивнул Игорь.

-- По пяти плоскостям, -- немедленно отозвался мистер Эванс.

Этого я уже не понял. Сленг меня мало интересует. Но Игорь уважительно развел руками.

-- Я восхищен. Seriously, вы отличный знаток. Но зачем ваши знания, а? Кому они нужны, когда достаточно выучить три-четыре языка и общаться с любимым, любимым человеком в мире?

-- Можно неплохо прожить, зная лишь один язык, -- подтвердил Эванс.

-- Тогда зачем нужны вы? Кому поможет ваше знание арабского или, скажем, диалекта гамбургских мафиози начала двадцать первого века?

-- Не знаю. Скорее всего -- никому.

Игорь вздохнул.

-- Значит, прав... Мы живем -- или доживаем? -- в мире машин и компьютеров. Они вытесняют людей отовсюду, и с этим ничего не поделаешь, это прогресс. Настоящей работой занято меньше двадцати процентов населения. Остальные либо уходят в роддэры, либо... -- Игорь сделал паузу, -- имитируют бурную деятельность. В тех областях, конечно, где это возможно -- литературе, живописи, истории, археологии, филологии... Можно размалевать синей краской полсотни фанерок, развесить их по стенам специально выстроенной картинной галереи и считаться самобытным художником. Общество позволит, оно богатое. Роддэры для общества опаснее, но, в сущности, и они терпимы...

Мистер Эванс слушал его вполне серьезно. И внимательно.

-- Ты молодец, дружок, -- тихо сказал он. -- Мыслишь вполне здраво. Одна беда -- с позиции одиночки.

-- Это как? -- заинтересовался Игорь. -- Ваше обращение

"дружок" я принимаю...

-- По поводу биовозраста, -- без улыбки закончил мистер Эванс. -- Ты прав, мы живем в трудное время. Время беззаботности. Мир всегда двигали вперед считанные проценты людей. Из звериных пещер к далеким звездам мир вытащили гении. Те, кто придумали колесо и тормоз для колеса. Пенициллин и многоступенчатые ракеты. Генную инженерию и компьютеры...

Меня словно холодной водой облили. Не надо про генную инженерию! Дискеты компьютера ударили мне в лицо жесткой коричневой лентой запаха. Пузырек с лекарством на столе -- удушливым искрящимся облаком. Не надо!

А Тиммин отец, не замечая болезненной гримасы на моей физиономии, продолжал:

-- Раньше находилось занятие для всех. Но сейчас не нужны тысячи людей, чтобы построить придуманный гением ракетоплан. И не нужны еще сотни, чтобы прокормить гения и строителей. И десятки тех, кто лечил, развлекал сотни и тысячи -- тоже не слишком-то нужны...

-- Киберюмористов пока не существует, -- возразил вдруг Игорь.

-- Да, но это мелочи. Так что в посылках ты прав. Выводы получились неверные.

Мистер Эванс больше не смотрел на Игоря. Он вертел в руках авторучку и негромко, словно самому себе, говорил:

-- Таланты могут найтись у каждого, только пока это у нас не очень-то получается. Но есть и другой выход. Заниматься своим делом, даже если таланта в тебе -- миллионная доля, а остальное -- просто труд и терпение. Заниматься, зная, что никогда не сотворишь чуда, что на всю жизнь останешься одним из миллиона бесталанных, которые пользы-то принесут как один-два настоящих гения.

-- Вы имеете в виду себя? -- жестко, не колеблясь, спросил Игорь.

-- Да.

Мистер Эванс отложил в сторону несчастную авторучку, выгнувшуюся в его пальцах затейливым вензелем.

-- Я занимаюсь программой "Конвергенция". Это создание единого языка, основанного не на смеси самых известных и простых языков, как эсперанто, а на принципе логэм.

-- Логэм?

-- Да. Логэма -- это логическая единица речи, звукосочетание, которое на любом мировом языке имеет одинаковый смысл.

Игорь рассмеялся.

-- Чушь. Этого не может быть.

-- Может. Выделено уже шестьдесят три логэмы. Они понятны без перевода любому человеку в мире. И каждая из этих логэм --

на счету лингвистов-гениев, лингвистов от природы, от бога. Возможно, даже наверняка, что в их труде есть доля таких же, как я, есть и мой вклад. Но вычислить его невозможно -- настолько он мал.

Мистер Эванс кивнул на книжные шкафы, на дискеты с записями.

-- Я изучаю эволюцию имен собственных и местоимений в латышском языке двадцатого века. Чем и как это поможет Шарлю Дежуа или Чери Сайн, я не знаю. Но, возможно, поможет.

-- Шарль Дежуа -- это тот, кто расшифровал сигналы Маяка Пилигримов? -- задумчиво спросил Игорь. Не дожидаясь ответа, попросил: -- А вы не можете произнести хоть одну логэму?

-- Могу.

Мы с Игорем замерли. А отец Тимми скорчил какую-то гримасу, словно разминая щеки, набрал воздуха и произнес... что-то короткое, отрывистое, почти не запоминаемое. И абсолютно бессмысленное...

-- Конечно, непонятно, -- засмеялся Игорь. -- Вот так логэма! На роддэров не действует.

-- Нет, не понял, -- с некоторым сожалением ответил я. И тут до меня дошло, что я отвечаю на словно бы и не произносившийся вопрос. Через мгновение это понял и Игорь.

-- Вот так, -- улыбнулся мистер Эванс. -- Я произнес вопросительную логэму понимания. Она показалась вам бессмысленной, но содержащийся в ней вопрос вы уловили.

-- Хорошо, -- после некоторой паузы признал Игорь. -- Я беру назад свои слова про бездельника. Но ведь и это не для всех. Многие, очень многие не смогут работать, не видя результатов труда. Им-то что делать? Их будет все больше и больше...

-- А им надо держаться. Жить. Хоть роддэром, хоть художником-абстракционистом. До тех пор, пока человек не сможет управлять самой сложной на свете машиной.

-- Какой это машиной?

-- Самим собой. Пока обруганная и приевшаяся всем наука не даст каждому возможность преобразиться.

-- Телепаты-телекины... Люди-молнии, бессмертные, ясновидящие... Так, что ли?

-- Так. У человечества переходный возраст. А для него тоже есть свои болезни: роддэрство, нелюбимый тобой авангардизм...

-- Это мной-то? -- Игорь рассмеялся, потрянув семицветной привой.

Они смотрели теперь друг на друга почти мирно. Но меня это не радовало. Во мне klokотала ярость.

-- Значит, преобразимся? -- спросил я. -- Расширение возможностей человека -- как лекарство от болезней человечества? А вы не слышали, что есть лекарства опаснее, чем

сама болезнь?!

Мистер Эванс удивленно повернулся ко мне.

-- Конечно, без случайностей не обходится... Ты имеешь в виду что-то конкретное?

-- Я имею в виду вашего сына.

У Игоря глаза полезли на лоб. Он-то ничего про Тимми не знал... У мистера Эванса исказилось лицо.

-- Да, Тим -- психокинетик. И разрешение на генную операцию давал я. Но ничего плохого ему эта способность не принесла.

-- Вы видели взрослых психокинетиков? -- тихо спросил я.

Он покачал головой.

-- А я знал одного. Почти полная потеря зрения, руки в язвах до самых локтей. Ему было двадцать семь, он выглядел на пятьдесят.

Мистер Эванс прикрыл глаза. Сейчас и он выглядел на пятьдесят, не меньше.

-- Я знаю. Слышал... Да меня и предупредили врачи из Центра. Это бывает, если очень сильно перегружаться. Очень... Но что я могу поделать? Вы же теперь все взрослые... Не надо дожидаться пятнадцати... или сколько там было раньше, лет. Сдал экзамен -- и можешь распоряжаться собой. Если вы сможете уговорить Тимми -- я буду только рад. Пусть оперирует хотя бы два... Ну, три раза в неделю.

-- Оперирует? -- Игорь вскочил с кресла. Непонятная реакция. Всем известно, что психокинетики становятся, в основном, хирургами. Только они способны выдрать, вытащить из человеческого тела запущенный рак со всеми его метастазами или вылечить порок сердца у еще не родившегося ребенка. Игорь повторил: -- Оперирует? Но ведь для этого необходима вторая ступень. Право на коллективную ответственность...

В полной тишине мы смотрели на то, как отец Тимми достает из ящика стола знак самостоятельности. Такой же, как у нас с Игорем. Только слова на нем другие: "Достиг возраста коллективной ответственности".

-- Он его не любит. Отдал мне на сохранение.

-- Ну я дурак... -- отчетливо прошептал Игорь. -- Дурак.

Он поднес знак к глазам, словно не веря. Потом быстро вышел из комнаты.

-- Если бы их было больше... -- как-то безнадежно произнес мистер Эванс. Ухода Игоря он, похоже, не заметил. -- Тим ведь понимает -- если он не поможет человеку, тот умрет. Вот и делает по три операции в день...

"А в редкие выходные развлекает своими способностями любопытствующих роддэров", -- подумал я.

-- Это ведь оказалось не очень и сложно -- телекинез.

Синтезировали какое-то вещество, оно позволяет любому стать психокинетиком. Но выпуск его наладить не могут, приборы не позволяют добиться чистоты раствора. Кажется, оно называется псикиноверрином...

-- Псикиноферрином, -- автоматически поправил я. -- Там молекула гема в цепи. ПКФ встраивается в эритроциты.

...Боль. Дикая, запредельная, невыносимая боль. Выворачивающие все тело судороги. Фиолетовый туман, в котором плавают раскаленные добела шарики. Вот такой он -- запах ПКФ для моего "суперобоняния". Длинный коридор. Белые стены. Режущий глаза свет. Я ползу по гладкому холодному полу. Навстречу уже бегут -- проклятые, ненавистные белые халаты, такие же холодные и чужие, как эти стены. Меня тошнит, вместе с блевотиной выплескиваются сгустки темной крови прямо на чистые халаты, в сочувственные, встревоженные лица. И я кричу, выгибаясь в поднимающих меня руках: "Забирайте свое дерьмо! Забирайте! Я доварил вашу похлебку, пробуйте! И это, это жрите! Жрите..."

В Веллесбергском Центре Совершенствования я работал полгода. Уходя, сказал, что не хочу делать других такими же несчастными, как я сам. Соврал... Меня погнала в роддэры боль.

Дверь распахнулась, едва мистер Эванс собрался начать расспросы. Откуда это роддэру известно точное название препарата? Но в кабинет ввалились Дэйв с Тимми, и мистер Эванс мгновенно переменялся.

-- Пап, пошли купаться, -- выпалил Тимми. -- Покажешь нам, как плавать на спине.

Оба они -- и Дэйв, и Тимми, были мокрые, взъерошенные и абсолютно счастливые. Похоже, мистер Эванс это понял. Он быстро встал.

-- Пошли. В тридцать третий раз буду тебя учить.

Тут Тимми заметил меня. Неуверенно кивнул, видимо раздумывая, интересно ли настоящему роддэру бултыхаться в десятиметровом пруду. Я усмехнулся и с беззаботным видом поднялся с кресла. Пообещал:

-- Сейчас я найду Игоря, и мы покажем вам настоящий класс.

xxx

После устроенной беготни я спал, как убитый. И проснулся лишь когда моя кровать начала ездить по полу.

Возле дверей я оказался, наверное, в один прыжок. Мне доводилось видеть разрушенные землетрясением дома... Но вокруг все было спокойно. Лишь дергалась, как в конвульсиях, кровать. Потом лежащая на столе книга поднялась в воздух и зашуршала перелистываемыми страницами. Я еще ничего не понимал. И только когда Тим глухо застонал во сне, до меня дошло...

В полутьме не было видно его лица. Я присел на кровать, взял Тимми за руку. Ладонь была горячей и напружиненной, словно

он держался за что-то, мне не видимое.

-- А ну, кончай, -- тихо сказал я. -- Все хорошо. Заканчивай.

Затрещала разрываемая книжная обложка. Я легонько похлопал Тима по щеке.

-- Тимми, все хорошо... Просыпайся. Или смотри другой сон. Тимми, успокойся...

Я уговаривал его минут пять. Наверное, надо было просто разбудить пацана. Но мне не хотелось этого делать...

Когда книжка тяжело осела на пол, а Тимми задыхал ровнее, я тихо, не включая света, нашел свою одежду. Быстро оделся. Посмотрел еще раз на Тимми -- теперь он спал вполне безмятежно. И вышел.

В кабинете горел свет. Я чуть поколебался и сказал вполголоса:

-- Мистер Эванс, до свидания.

Я был почти уверен, что он меня не услышит -- за дверью слабо жужжало печатающее устройство компьютера. Но звук исчез, а еще через мгновение мистер Эванс недоуменно посмотрел на меня.

-- Вы уходите?

Я кивнул.

-- Жаль... -- Он беспомощно улынулся. -- Честно говоря... Тимми вчера так здорово развеселился, когда играл с Дэйвом.

-- Пусть и дальше играют.

Он понял. И кивнул -- не соглашаясь, а скорее с благодарностью. Потом вдруг шагнул ко мне и взял за руку.

-- Скажи, если, конечно, тебя не задевает мое любопытство. Ты тот самый мальчишка, который однажды довел до конца синтез ПКФ?

-- Я принимаю ваше обращение применительно к биовозрасту. -- Я попытался улыбнуться. -- Да, тот самый.

Он кивнул, ничего больше не спрашивая.

-- Это очень трудно, -- тихо сказал я. -- Понимаете, человеческий мозг не рассчитан на то, что со мной сделали. Ему не хватает каналов восприятия. Ну, он и выкручивается, как может, превращая запахи в свет, звук... Иногда и боль. Очень больно, честное слово. А если просто лишить меня обоняния -- я ослепну и оглохну. Все слишком тесно связано...

-- Я верю.

Он ни о чем не просил. И от этого было еще тяжелей.

-- Я вернусь в Веллесбергский Центр, -- торопливо сказал я. Мне показалось, что он уже готов уйти. -- Я тогда был младше, чем Тимми. А сейчас, наверное, выдержу... Ведь все

равно, что бы я ни делал, моя дорога туда. И с нее не свернуть, я понимаю.

-- Тебе очень трудно?

Я молча кивнул и спросил сам:

-- Тимми выдержит год?

-- Да. А почему год?

-- Не знаю. Просто думаю, что за год успею. Игорь не сможет, никогда не сможет работать так, как вы -- в миллионную долю. Только не обижайтесь.

-- Я не обижаюсь.

-- У него характер такой. Ему надо быть или первым, или хотя бы в первом ряду. Если он не найдет своей дороги, то так всю жизнь и останется роддэром. Лучшим роддэром в мире. И многим задурит головы, не со зла, а так... Но это не нужно, роддэры ведь не форма протеста и не поиск нового пути. Мы -- боль. Форма боли в середине двадцать первого века. Такие, как я, у которых боль внутри, и такие, как Игорь. Середина, не желающая ей оставаться. А я все верю, что помогу ему найти свое место.

Мистер Эванс посмотрел мне в глаза. И сказал:

-- Теперь я знаю, что ты вернешься в Центр.

Я улыбнулся и сделал шаг к спальне. Попросил:

-- Потушите на пять минут свет. Пусть Игорь думает, что мы уходим, как настоящие роддэры -- не прощаясь, тайком.

Мистер Эванс улыбнулся. У него была красивая улыбка, сильная и добрая. Знаю, что про улыбки так не говорят, но мне она виделась именно такой.

-- Ветра в лицо, роддэр, -- сказал он.

Я кивнул. И подумал, что иногда не нужно даже логэм, чтобы понять друг друга.

xxx

Мы шли на восток, и солнце медленно выкатывалось нам навстречу. Игорь насвистывал какую-то мелодию. Сумка с продуктами и всякой полезной мелочью болталась у него на плече.

-- Не обижаешься, что я решил оставить Рыжика? -- спросил он меня, когда дом скрылся из глаз.

Я покачал головой. И вдруг почувствовал, как невидимые пальцы крепко сжали мою ладонь. Там, в маленькой комнатке на втором этаже, проснулся Тимми.

Я улыбнулся. И пожал протянутую через холодное утро руку.